

Артамонова Л. М.

ГАВРИЛОВА ПОЛЯНА И ЕЕ ОКРЕСТНОСТИ В XVIII - НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ.

Название современного поселка Гаврилова поляна произошло от старинного урочища, на территории которого он стоит. Гавриловскими (Гавриловыми) именовались ключ (ручей), здесь протекающий, буерак (овраг), по которому он течет, вся долина (поляна) по его берегам. Крупное поселение на Гавриловой поляне возникло только в советское время и его история требует специального рассказа. Но у поселка есть интересная предыстория в XVIII - начале XX вв., о которой и пойдет здесь речь.

Можно предположить, что название урочища, первое временное или сезонное жилье казаков и крестьян здесь появились во времена отдаленные, восходящие к концу XVI - XVII вв., но документальных подтверждений этому нет. В письменных источниках Гавриловский ключ впервые упомянут академиком П. С. Палласом в 1769 г., на плане 1809 г. выделена особо и сама Гавриловская поляна, о которой сказано, что ее площадь составляет 10 десятин и 300 квадратных сажен, что предназначена она под выпуск скота и луг. Такой характер использования здешних угодий был не случаен. Крутые горы и холмы затеняют узкую долину и неширокий волжский берег, создают в этом месте микроклимат. Летом здесь прохладнее, чем на открытых пространствах, а потому меньше кровососущих насекомых, донимающих пасущийся скот.

Первое постоянное поселение с названием Гаврилова поляна указано в списке населенных мест Рождественской волости Сызранского уезда Симбирской губернии в 1897 г. Это был хутор мещанина Лаврентьева, на котором стоял один двор и числилось всего два жителя (в 1913 г. - пять жителей). Хуторами в окрестностях г. Самары до столыпинской аграрной реформы традиционно назывались стоявшие вне пределов городов и сел дворы, специально предназначен-

ные для разведения скота, главным образом, на продажу. На таких хуторах - скотных дворах в отдалении от многолюдных селений было легче обеспечить большое стадо подножным и заготовленным кормом, уберечь от инфекционных заболеваний. Прежняя животноводческая специализация угодий на Гавриловой поляне сохранилась.

Наряду со скотоводством здесь в благоприятных условиях могли развиваться лесные промыслы и пчеловодство. Вблизи названного хутора в качестве отдельных населенных мест числились пасека (1 двор с 4 жителями) и лесная сторожка №5 (1 двор с 5 жителями), которые, как и хутор, находились на землях богатых помещиков Ушковых. Незначительность освоения и заселения данной местности объяснялась тем, что не было возможности вести хлебопашество - основное крестьянское занятие. Мешал прежде всего гористый рельеф. Поэтому самое раннее постоянное поселение возникло здесь в качестве промышленного. Оно находилось на расстоянии около версты от устья Гавриловского ключа выше по течению Волги. Это был городок под Серной горой.

Месторождение самородной серы на горе между волжским берегом и отвершиями Гаврилова буерака было издавна известно окрестным жителям. Развитие здесь промышленной добычи и производства серы, находившей широкое применение в военном деле, а также в медицине и стеклоделии, связано с именем Петра I. По его инициативе в Самарском крае были обследованы серные месторождения и стали возникать серные заводы. Вначале они появились под Сергиевском, где серу выпаривали из вод серных источников, но этот способ был недостаточно производительным. В 1720 г. серный Новосергиевский завод был переведен на Самарскую Луку и перепрофилирован на добычу самородной серы. По поручению канцелярии артиллерии и фортификаций, ведавшей производством пороха в стране, работы на заводе возглавил майор Иван Молостов.

В 1722 г. Петр I проезжал через Самару и мог лично познакомиться с состоянием и перспективами производства серы. В результате появился его указ о том, что "серы на Волге зело много, а мастеров нет, для того старатца, чтоб выписать компанию мастеров".¹ В 1723 г. из-за границы были приглашены мастер и подмастерье, которым предписывалось осмотреть месторождения серы и казенные заводы.

К заводу были приписаны жители Сергиевска, ранее работавшие на добыче серы близ своего селения. С 1721 г. "ходили они к Самарской серной работе в каждое лето по шти месяцев по осмидесяти человек". Такая разнарядка была приписным крестьянам не под силу. По переписи их всего числилось 576 душ мужского пола, включая стариков, малолетних, больных. Число людей, ежегодно посылаемых на завод из Сергиевска было уменьшено, "и за умалением их ныне к тому серному заводу нанимаются еще вольные работники", - сообщалось в 1735 г. Опытных "серных мастеровых людей из Сергиевска и из Самары" было велено "на Самарские серные заводы перевесть" на постоянное жительство. Просьбы сергиевских жителей, чтобы им "от оной принужденной работы быть свободным", встречали резкие возражения артиллерийского ведомства: "А во Артиллерию кроме оных серных заводов и инде нет, а к пороховому делу серы потребно в год немалое число и надлежит то серное дело в лучшей порядок привести и оное размножить, дабы возможно было Артиллерию серою довольствоваться, не выписывая из иностранных краев. И для того оных крестьян о тех заводов и работ не то́кмо отрешить, но еще к ним в придачу надобно".²

Со временем от использования на заводе приписных крестьян из отдаленных селений все же пришлось отказаться. На заводе осталось 120 постоянных работников, трудившихся за плату, и небольшое количество крепостных людей. Крестьяне ближайших к заводу дворцовых селений Подгор, Выползово, Рождествено подряжались на поставку дров и на перевоз полученной серы до Москвы. Такой перевоз оплачивался из расчета 12 коп. за пуд груза и производился зимним санным путем. В год с завода поставлялось до 1500 пудов чистой серы, при необходимости выработку можно было увеличить до 2000 пудов. Для сравнения укажем, что в других центрах русской серной промышленности (Ярославле, Кадоме, Елатье) производство едва достигало 500 пудов. Себестоимость производства серы на Самарской Луке была невысокой (от 50 до 80 коп. за пуд), в том числе за счет экономии на элементарных мерах безопасности.

Подъем на крутую и заросшую кустарником Серную гору и спуск с нее были весьма затруднительными, о чем свидетельствовал побывавший здесь 29-30 мая 1769 г. академик П.С. Паллас: "Удивительно,

что при многолетней работе на сей горе не старались сделать лучшей дороги для вздоха, которую легко бы можно сделать кривизнами, и при том еще такую, по которой возили бы серной камень на лошадях. Но всегда оной носили работники далее версты на своих плечах из малой платы по крутой и каменистой тропинке, по которой и без ноши идущий человек находится в опасности, чтобы не сделяться уродом". На самом заводе, который находился у подножья горы на высоком волжском берегу, от ядовитых испарений при отсутствии вытяжки вредных газов "много умирало работников чахоткою и долговременно горячкою". Лишь когда старые печи были заменены на имевшие хорошие трубы и продушины, число заболеваний и смертей резко сократилось.³

Основные работы велись в двух местах. На горе шла добыча сырья. На заводе его перерабатывали. Самородная горючая сера выламывалась в ямах - "разпалах" глубиною в 5-7 сажен. Удачно выведененный на месторождение "разпал" мог эксплуатироваться более 10 лет, но в ряде случаев с трудом выкопанные ямы оказывались без серы. Сыре попадалось разного качества. В год добывалось до 400 пудов чистых серных самородков, весом до нескольких фунтов. Остальное приходилось вытапливать из породы, загрязненной примесями. На самой горе было несколько построек временного характера для рабочих и кузница, где правился и изготавливался необходимый инструмент. Одновременно велась заготовка и других полезных ископаемых Серной горы, залегавших вместе с основным сырьем: гипсового камня, селенитной слюды. Тонкие пластинки последней можно было увидеть в окнах домов ближних селений.

Собственно завод состоял из плавильни и помещения для обработки самородной серы. Плавильня находилась на южной, ближней к Гавриловой поляне окраине Серного Городка. Помещение было вытянуто в длину на 50 сажен, в нем имелась 51 печь. Печи были сложены в один ряд с промежутками, их соединял один общий длинный очаг. На очаг ставили изготовленные из местной глины горшки - "булакры". Горшки были наполнены неочищенной серой или серным камнем, крышки их были замазаны глиною с песком, из горшка выступала глиняная трубка. Расплавленная сера по трубкам стекала в специальные сосуды, стоявшие у очага в наполненных холодной водой корытах.

Сырье высшего качества, самородную серу, перетапливали в таких же горшках в другом помещении, где находились три обычные печи, похожие на хлебные. Из этих горшков ее лили в формы. Рядом с этим строением находился деревянный конторский дом.

Кроме двух производственных и одного конторского строения, в городке было около 40 дворов, где жили работные люди. Дворы тянулись одной улицей между горой и высоким берегом. В 1769 г., когда здесь был П. С. Паллас, заселены были только 12 дворов, а остальные вкупе с заводскими строениями были заброшены и разваливались. Что же произошло?

В 1757 г. серный завод, как и многие другие предприятия России того времени, подвергся, говоря современным языком, "приватизации". Из казенного ведомства его передали петербургскому купцу Ивану Мартову, сын которого Афанасий в 1765 г. прекратил производство серы. Наёмные работники разошлись. В опустевшем городке остались только крепостные люди купца да кузнецкий ученик Я.Иванов со своим дворовым человеком.

Академику И.И. Лепехину, побывавшему в Серном Городке 4 октября 1768 г., прекращение работ объясняли тем, что серные жилы иссякли. Однако, П.С. Паллас, осмотревший его в более благоприятное время года, пришел к другому выводу: "В самом деле сожаления достойно, что здешняя преизрядная серная работа очевидно приходит к окончанию, и желать должно, чтобы другой какой заводчик восстановил оную в пользу государства, ибо в здешней стране лесу довольно, да и можно бы лучшим разпоряжением не токмо облегчить еще работу, но и сделать прибыточнее."¹⁴ Однако, это пожелание так и осталось неисполненным. В 1793 г. А. Раздеришин осматривал заброшенные выработки Серной горы, собрал образцы породы. Никаких последствий этот осмотр также не имел.⁵

Как полагал автор капитального труда по истории химических промыслов П.М. Лукьяннов, закрытие завода под Серной горой "произошло не в результате "выработки" серной руды и истощения серных залежей, а в связи со снижением цен на привозную иностранную серу, с одной стороны, и несовершенством переработки серной руды на серу, с другой".⁶

После закрытия серного завода Серный Городок по существу превратился в обычное сельское поселение, к тому же весьма незна-

чительное. В 1770-е годы в нем насчитывалось 11 душ мужского пола, а к концу XVIII в. - 13 душ мужского и 10 душ женского пола. И именоваться в конце концов он стал "деревня Сернова".⁷ Жители занялись обычными крестьянскими делами, в селении также был устроен "рыбный двор". На рубеже XVIII-XIX вв. это селение прекратило свое существование, купец вывез отсюда своих людей.

Местность у малолюдного селения на Самарской Луке привлекла внимание лихих людей, которые во время пугачевского восстания в 1773-1775 гг., пользуясь общим смятением, решили было снова возобновить "традицию" разбоев на волжском торговом пути. В начале октября 1774 г. власти получили известие о нападении на торговое судно между пристанью у с. Подгоры и Серным Городком. Для розыска нападавших командир расквартированного неподалеку Изюмского гусарского полка Хорват отправил отряд поручика Айцова.

До того гусары Хорвата отличились при подавлении повстанческого движения в Самарском крае, действуя против пугачевцев решительно и жестко. Так же они решили поступить и на сей раз. Поскольку было известно, что разбойники уже несколько раз приставали на своих лодках у Серного Городка, Айцов предположил, что в поселке у них есть сообщники. Ночью 10 октября конная команда гусар и самарских казаков вошла в Серный Городок, предварительно окружив его пикетами, согнала всех жителей на рыбный двор, где начался допрос о том, знают ли они разбойников. В это время казачий пикет схватил крестьянина Андрея Иванова позади его собственного двора, решив, что тот собрался уйти в лес, и доставил его на рыбный двор. Поручик без колебаний утвердился в мысли, что Иванов "подвержен был участию в злодействе и пристанодержательстве их", то есть разбойников. Тут же последовал приказ снять с задержанного одежду и бить плетьми. Айцов "при том бою приговаривал, зачем де бегаешь, и оного убили до смерти".⁸ Поручик, правда, утверждал, что Иванов умер не под плетьми, а будучи избитым, покончил жизнь самоубийством, испугавшись продолжения пытки, которая должна была возобновиться утром.

Обитатели Серного Городка подали жалобу в самарскую комендатскую на Айцова, усмотрев в его действиях произвол и неоправданную жестокость. В своем рапорте в ответ на жалобу поручик признал, что из Иванова под плетьми "кроме молчания и безумством

притворных слов, ничего извлечь не могли". Тем не менее свои действия офицер считал правильными: "По обстоятельствам" происходящих и еще непресеченных в сей стороне от мужиков злодеяний... необходимая надобность требовала того мужика испытать распросом истины. А без таковых употреблений (т.е. пытки - А. А.) до сущей правды дойти и вкоренившихся внутренних врагов испровергнуть... никак не можно." Сторону Айцова в этом конфликте принял самое высокое начальство. Когда самарский комендант Молостов решился довести жалобу до сведения губернатора, то получил от него выговор за то, что затрудняет его "посторонними делами".⁹

Когда в конце XVIII в. последние жители покинули Серный Городок, его территория вошла в состав земельных владений графов Орловых. На плане 1809 г. особо выделен участок, "где был Серной завод", площадью в 9 десятин 2036 квадратных сажен (приблизительно 10 гектаров), который, как и близлежащая Гаврилова поляна, использовался в качестве "скотинного выпуску или лугу".¹⁰

В 1808 г. зашел разговор о возобновлении здесь серного производства. Отвечая на запрос Горного департамента, переданный через губернатора Долгорукова, о прежних серных заводах, самарский городничий указал на бывший Серный Городок. Он считал, "что сера и поныне там есть", так как "всегда продают оную в городе Самаре подгорновские бабы".¹¹ В сентябре того же года в Самару прибыли мастера, посланные по распоряжению министра внутренних дел для осмотра бывшего завода. Дело принимало серьезный оборот. Губернатор предписывал указать мастерам Претру и Бауеру места добычи и производства серы, снабдить их необходимым количеством работников, оплатить труд последних из казны по принятым в тех местах расценкам (60 коп. в день конному работнику, 40 коп. - пешему). С 14 по 23 сентября 123 человека, нанятые в ближайших селах и деревнях (Подгорах, Выползово и других), выкопали яму до 3 сажен глубиною, в которой было найдено почти 4 пуда серы, в том числе 4 фунта са-мородков. Эти результаты рассматривались специалистами как обнадеживающие.

В апреле 1809 г. В. Г. Орлов, владелец земель, получил официальное предложение уступить в казну Серную гору с окрестностями. Теперь туда были направлены представители вотчинной администрации графа для оценки лесных, сенокосных и прочих угодий, чтобы

потом не продешевить в торге с казной. В.Г. Орлов стал склоняться к мысли выменять малоплодородные земли, включавшие бывший Серный Городок и Гаврилову поляну с окрестными лесами, общей площадью около 716 десятин, на пригодные под распашку черноземы из казенных владений в заволжском Ставропольском уезде. Вотчинная контора предлагала так и поступить. Не возражали и крестьянские общины близлежащих графских селений, объявив, что в случае такого обмена они в угодьях никакую "нужду не потерпят".¹² Крестьяне только опасались, что из-за соседства с заводом будут какие-либо притеснения со стороны казенных служителей.

Старый граф все же решил посоветоваться со своим сыном Г.В. Орловым, который служил в Сенате. Тот предложил "оставить сие дело без всякого производства", уверяя, что "оно совсем так и забудется".¹⁴ Сенатор как в воду глядел. После уклончивого ответа В.Г. Орлова правительство не стало настаивать на предложении о передаче Серной горы в казну. Заводские работы в Серном Городке не возобновились. "Почти целых сто лет после прекращения добычи серы в Жигулях этим полезным ископаемым нашего края не заинтересовался ни один промышленник, хотя геологи постепенно накапливали всё больше и больше сведений о волжской сере".¹⁵ Старые выработки в окрестностях Гавриловой поляны исследовали и описывали в своих работах, считали их перспективными геолог И. Ауэрбах (1854 г.), военный инженер Б. Винер (1870 г.), а также А.В. Нечаев (1905 г.) и М.Э. Ноинский (1913 г.).

Сейчас о прошлом промышленном значении и о самом существовании Серного завода на Самарской Луке любознательному путешественнику могут напомнить следы глубоких ям-штолен на склонах Серной горы. А на надпойменной террасе сохранился мощный слой шлаков, золы с фрагментами характерных глиняных сосудов, использовавшихся для производства серы.

Примечания

1. Сборник РИО. - СПб., 1873. - Т. 11. - С. 491.
2. РГАДА. - Ф. 248. - Д. 458. - Л. 465.
3. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. - Ч. 1. - СПб., 1773. - С. 285-287.

4. Паллас П. С. Указ.соч. - С. 284.
5. РГАДА. - Ф. 19 - Оп. 1 - Д. 124. - Л. 19об.
6. Лукьянов П. М. История химических промыслов и химической промышленности в России. - М. - Л., 1949 - С. 418.
7. РГАДА. - Ф. 1273. - Оп. 1. - Д. 2780. - Л. 37.
8. РГАДА. - Ф. 1100. - Оп. 1. - Д. 11. - Л. 259.
9. Там же. - Л. 260-262.
10. РГАДА. - Ф. 1273. - Оп. 1. - Д. 2780. - Л. 37.
11. РГАДА. - Ф. 1273. - Оп. 1. - Д. 2780. - Л. 3.
12. Там же. - Л. 34об.
13. Там же. - Л. 34об.
14. РГАДА. - Ф. 1273. - Оп. 1. - Д. 2780. - Л. 44-45.
15. Ерофеев В. В. Открытие подземных кладовых. //Самарский краевед. - Куйбышев, 1990. - С. 326.